

МАРИНА СУРЖЕВСКАЯ

СОВЕРШЕННЫЕ

ТАЙНЫ
ПАНТЕОНА

Марина Суржевская
Совершенные. Тайны Пантеона
Серия «Совершенные», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70319677

SelfPub; 2024

Аннотация

«Если Август Рэй Этвуд пройдет свой темный путь, он превзойдет дьявола и наш мир падет...» Так говорит инквизиция и все ее силы теперь направлены на то, чтобы найти и уничтожить разрушителя. А мне, Кассандре Вэйлинг, золотой девочке и поверженной королеве, надо решить на чьей я стороне.

Содержание

Глава 1. Кастел	5
Глава 2. Новая жизнь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марина Суржевская
Совершенные.
Тайны Пантеона

Все звезды гаснут

Глава 1. Кастел

Хрясь!

Тяжелый кулак впечатался в деревянную стену и оставил в ней внушительную дыру. Я решила не думать о том, что еще миг назад на месте этого отверстия была моя голова.

Впрочем, думать сейчас было некогда.

Подпрыгнув, я повисла на балке, качнулась и закинула себя на узкий козырек наверху.

– Стоять! – взревело жуткое лысое чудовище, лишь по ошибке причисленное к роду человеческому. Схватив доску с торчащими гвоздями, монстр с силой провел ею по козырьку, норовя зацепить на узком парапете подошвы моих сапог и скинуть меня на землю. Во все стороны брызнула древесная стружка и черепичная крошка. Я перепрыгнула через доску – раз, другой... Длинный – с мою ладонь —гвоздь чиркнул совсем рядом.

– Не уйдешшь! – зашипел монстр внизу.

Сверху я видела мелкие красные символы, кругами расходящиеся от центра его макушки до самой шеи. Интересно, это странная традиция всех выходцев из Вишкармана или конкретно того, который жаждет меня достать?

Жутковатое орудие вбилось в черепицу, гаденыш решил пришпилить меня словно букашку.

Я оглянулась, решая, куда бежать. Но за спиной была

бетонная стена. Значит, снова прыгать. Вниз теперь точно нельзя...

Места для разбега оказалось маловато, да и преследователь не хотел сдаваться, снова и снова вбивая рядом со мной гвозди. Каждый удар издавал неприятный скрежет, терзающий уши.

Хрясь-скржж! Хрясь-скржжж!

Три шага для разбега, длинный миг невесомости, и я упала на козырек соседнего строения. Но здесь крыша была слишком отвесной, а зацепиться как следует я не успела. Ничего! Бывало и хуже! Главное, забраться повыше и опять перепрыгнуть...

Ладони в кожаных перчатках с обрезанными пальцами неистово заскребли по черепице и... безнадежно соскользнули. Что за ерунда? Я моргнула, всматриваясь в блестящий на солнце скат. Потянула носом. От крыши ощутимо несло чем-то терпким... Это что, масло?

Внизу захохотало чудовище.

– Думаешь, ты самая умная, Вэйлинг? Думаешь, опять убежишь по крышам? Не сегодня. Масло черного тмина с моей родовой плантации. Нравится?

Масло... Недурно. Догадался все-таки через два месяца! Или... кто-то подсказал? Мой преследователь отличался силой, но не сообразительностью.

Я фыркнула, все еще пытаюсь удержаться на предательском скате. Отчаянно взмахнула руками и ногами, но кожа-

ные штаны и куртка как на зло оказались великолепны для скольжения. Проклятие! Я тряхнула рукой, и на левой перчатке выступили короткие шипы. Вбила ладонь в опору. Потрясла правой рукой – тщетно. Кажется, надорванный в сражении край повредил защиту.

Носки ботинок, на которых я балансировала, скользнули по гладкому настилу и поехали вниз. Я глухо вскрикнула, пытаюсь удержаться, но собственный вес неумолимо тянул мое тело. Ноги повисли в воздухе. Я барахталась, надеясь залезть обратно, но мою лодыжку обхватили толстые пальцы, сдергивая меня с козырька.

И свалилась, знатно приложившись о землю. Благо, уже не замерзшую, а рыхлую и напитанную весенней влагой. Вскочила вовремя. Как раз за миг до того, как рядом опустился чертов кулак.

Увернулась я лишь в последний момент.

Рывком перекатилась в сторону и гибко выгнулась, поднимаясь за спиной верзилы. Пыхтя, он обернулся, наклонился... и тут же получил по морде. Острые грани кольца на моей правой руке блеснули в луче света и рассекли бровь громилы. Вернее, то место, где она должна быть, ведь на теле этого чудовища не было ни единого волоска.

Хлынула кровь.

– Ты труп, Вэйлинг!

Я присела, крутанулась, попуская чужую атаку, вскочила.

– Сначала поймай меня, малыш Лю, – нежно пропела я,

глядя в лицо того, кто пытался меня прибить. Лицо впечатляло. Багряные знаки-заклинания сползали по лбу на щеку, завивались кругами на скулах. В маленьких водянисто-голубых глазах дрожала моя смерть. Широкий перебитый нос дергался, словно у зверя. Причем, как мне рассказали, нос наследникам Джамрат ломали еще в детстве, чтобы сделать мальчиков более стойкими и устрашающим.

И что бы я ни думала о подобной дикости, устрашение получилось впечатляющим. Малыш Лю был самым безобразным человеком из всех, кого я только встречала!

– Я – не малыш! – яростно взревев, верзила снова бросился на меня. – Не крошка! Не детка! Ни Лю-Лю! Я Люхараджан Джамрат! И не смей звать меня малышом! Поняла? Поняла?

Я не отвечала, сберегая дыхание и уклоняясь от кулаков. Противопоставить его силе мне было нечего, кажется, одна рука громалы весила больше меня. Поэтому я лишь уходила от атак, каждая из которых могла размазать меня по влажной земле.

– Повтори мое имя!

Новый смертельный удар едва не разрубил мне грудину. Я сумела ускользнуть, но носок зацепился за камень и ногу прострелило болью. Плохой признак...

– Как думаешь, зачем она это делает? – Ветер донес от барьера задумчивый голос. – Доводит Лю до бешенства? Каждый раз... Хм. Люхараджана то есть.

Я усмехнулась, проносясь мимо. Вот это больше всего злило бритоголовое чудовище. То, что с моей легкой руки почти все адепты Кастела забыли его гордое имя и именовали сокращенными прозвищами. Как собаку – по мнению самого чудовища.

Хотя нет. В родовом поместье этого двухметрового монстра даже у псов были пафосные и непроизносимые клички. В этом я не сомневалась.

– И ведь ни разу не повторилась, – услышала я меланхоличный ответ. – Как ей это удастся?

– Не повторяться? Или доводить до бешенства?

– И то, и другое...

– Не знаю. Может, потому что это Кассандра Вейлинг. А она...

Что «она» я не услышала. Может, «невероятная стерва»? Или «невыносимая дрянь»? Или «та самая Вэйлинг, от которой лучше держаться подальше»?

Ответа я не услышала, потому что вконец озверевший адепт Святой Инквизиции решил все-таки меня прикончить. А я слегка устала уклоняться от его диких атак. Люхараджану я проигрывала в силе, но зато он мне значительно уступал в скорости и ловкости. И в грации – конечно. Несмотря на огромную, смертоносную мощь и медвежьи размеры, адепт отличался неуклюжестью. Лишь благодаря этому я продолжала его дразнить, а не валялась на тренировочном поле с проломленным черепом. Но кажется, сегодня ярость верзи-

лы достигла своего апогея, и он вознамерился прикончить меня во что бы то ни стало.

Мелькнула мысль – если Лю и правда меня достанет, станут ли зрители делать хоть что-нибудь, чтобы спасти стерву Вэйлинг и по совместительству – свою сокурницу? Ну хоть кто-нибудь из двух десятков мерзавцев, собравшихся у барьера, чтобы понаблюдать за спаррингом двух неравных противников? Хоть кто-то пошевелит пальцем, чтобы помочь мне?

Или лишь поставят пару свечей Истинодуху – в благодарность за мое убийство?

Я выдохнула, отбрасывая мысли.

– Да я тебя... ребра сломаю! – Пугающее сплюснутое лицо исказилось от бешенства. – Потом руки-ноги! Потом глаза... выдавлю! Я скормлю тебя своим псам...

– В Кастеле у тебя нет никаких псов, дурень.

– Скормлю бродячим!

– Поймай сначала, малыш-лютик, – пропела я, угрем выскальзывая из тупика, в который он меня загнал. Дыхание сбилось. Я устала. А значит, теряю скорость – мое единственное преимущество. И почему меня снова поставили в спарринг с тем, кто гораздо сильнее? Впрочем, я уже поняла, что подобные вопросы в Святой Инквизиции не задают.

«Мы не выбираем противников, равных себе. Мы сражаемся с каждым, кто преступил закон».

Снова стена – на этот раз бревенчатая. Я снова ухитрилась

выскользнуть, но коса, закрепленная вокруг головы, освободилась от держащих ее шпилек, взметнулась в воздух... И натянулась, сжатая огромным кулаком с окровавленными костяшками.

Лю крепко стиснул ладонь, дернул. И я, вскрикнув, спиной свалилась ему на грудь. Затылок обожгло, показалось – этот дикарь с дурацким именем сейчас оторвет мне скальп! Адепт дернул снова, намотал мою косу на руку так, что я едва могла пошевелиться, и потянул, заставляя смотреть ему в глаза. Я всегда считала, что рост у меня вполне высокий для девушки, но по сравнению с громилой я выглядела совсем крошечной. И потому пришлось встать на цыпочки, вытянуться в струнку, когда ухмыляющийся мерзавец притянул меня ближе.

– А потом... потом я знаешь, что сделаю? Потом я узнаю, так ли хороша ты на вкус, как о тебе болтают...

Лицо с низким лбом, выпуклыми надбровными дугами, крошечными глазами и огромным, выступающим вперед подбородком оказалось совсем близко. Явно ближе, чем я хотела бы. Так близко, что я рассмотрела поры на толстом носу и морщинистые веки без ресниц. Из пореза на лбу хлестала кровь, капли стекали по щекам адепта и падали на мою куртку. Я брезгливо поморщилась. Однако проблема в лице обозленного сокурсника никуда не исчезла, а помогать мне явно никто не собирался. Толпа зрителей у барьера лишь делала ставки. На то, что именно оторвет мне верзила – в

первую очередь.

Взгляд зацепился за айк – одинокую серьгу в толстом ухе верзилы. Почти фиолетовый камушек покачивался, так и умоляя за него дернуть.

Но делать этого нельзя ни в коем случае. Использовать в бою айк – значит тут же загреметь в карцер.

Лю широко улыбнулся, показав кривые желтые зубы.

– Ну вот и все, Вэйлинг. Вот ты и попалась!

Я попыталась отодвинуться, но затылок обожгло новой болью. Увы, отбрасывать косу подобно хвосту ящерицы, я не умела. А гад держал крепко! Ну еще бы...

– Сейчас ты ответишь за все, – с жарким предвкушением в глазах выдохнул парень. – За каждое словечко из твоего поганого рта! За каждое прозвище! За все унижения! За...

Я выпрямила спину, сосредотачиваясь. Боль мешала думать, но...

«Не бывает идеальных условий для сражения. Не бывает идеальных соперников. Не бывает полумер. Победы или уми».

Что ж, пожалуй, с этим постулатом из главного трактата для инквизиторов я готова согласиться.

Я отклонила голову, натягивая волосы так, что кожа вспыхнула огнем. Но я даже не моргнула. Расправила плечи. Поймала свое отражение в торжествующих глазах Люхарджана: серебристые пряди, бледное лицо, тонкие черты... нет. Уже другие: пряди седые, глаза с редкими белыми рес-

ницами – злые и прищуренные, крупная родинка на левой щеке – словно присосавшийся к коже клещ... И яркие алые губы, словно их хозяйка только что отобедала кровью одного из несчастных адептов, которых ей поручили обучать.

– Немедленно уберите от меня свои руки, адепт! – рявкнула я высоким, неприятным голосом. Сымитировать чужие интонации получилось превосходно, я сама собой восхитилась.

Лицо убийцы враз побледнело, кровожадная улыбка слетела с его лица, и он разжал руку, прижимая кулаки к бокам и вытягиваясь в струнку. Всего на миг. Уже через секунду до верзилы дошло, что пугающей наставницы здесь нет, а я использовала Маску, нацепив лицо преподобной Агамены. И уж если этот огромный монстр кого и боялся, то это точно была она – хрупкая наставница, едва достающая Лю до плеча.

Впрочем, ее все боялись. Даже я.

Но мига хватило, чтобы я изо всех сил двинула верзиле кулаком в нос, а когда тот взревел от боли и ярости, нырнула под мужской локоть, перелетела через сложенные бревна, скатилась с другой стороны и сорвала с флагштока развевающийся платок.

Подняла его вверх, знаменуя победу, а потом царственным жестом разжала пальцы, позволяя белому шелку упасть к моим ногам. У барьера с адептами кто-то заплодировал, кто-то недовольно скривился. Я запомнила и тех, и других.

– Стерва! Дрянь! Гадина! – обиженно выл Лю, осознав провал. – Нечестно! Нельзя пользоваться оружием!

– Маска не причислена к списку оружия, – пропела я. – Доктрина Святой Инквизиции, часть шестая, параграф седьмой. Учи правила, малыш.

– Я тебя поймал!

– Вот же... Вэйлинг... Опять его надула!

– Я опять проспорил десятку... Черт, ну как она это делает?

– Однажды у него получится... Наверное.

Голоса – недовольные, разочарованные, злые, восхищенные – слились в однообразную какофонию. Но я уже не слушала. Я шла прочь от тренировочного поля, от голосов и от брызгающего слюной наследника Джамрат. А еще от молодого мужчины в черной форме. Дамир стоял в стороне, укрытый тенью тренировочного строения и внимательно наблюдал за ходом сражения. И меньше всего мне сейчас хотелось общаться с куратором. Поэтому я пролезла под нависающим козырьком, взобралась на узкий мостик между рвами, уже пошатываясь, преодолела его. Впереди уже виднелся выход. Позади остались инквизиторы – будущие и настоящие.

Оборачиваться я не стала.

Я помню, как увидела Каstel впервые.

Нет, я, конечно, знала, где находится это здание, но никогда не думала, что однажды пройду мимо огромных кова-

ных ворот в качестве адепта инквизиции. На железной ленте, тянущейся через две створки, темнел выбитый девиз одного из первых инквизиторов: «Смерть и Справедливость». Но открытая половинка чугунной преграды делила надпись, оставляя только первое слово. И некоторое время я тарасилась на него, не находя в себе силы шагнуть на территорию Кастела.

Я стояла в воротах и смотрела туда, где тучи штопали черные шпили древнего здания. Сердцевиной всех академий, где обучаются будущие военные и гражданские миротворцы, всегда становится древний храм или церковь – средоточие высоких вибраций, уплотняющихся веками. Но центром Кастела был замок. И раньше я не задумывалась над этой особенностью. А сейчас поняла – этот выбор основан на особенностях людей, которые здесь обучаются. Если среди инквизиторов есть деструкты, то высокие вибрации могут помешать им освоить свои силы.

Черный замок возвышался в сердце Кастела как шипастая игла. С витражных черно-красных окон смотрели лики суровых инквизиторов, у их ног корчились в муках умирающие чудовища. В этом здании располагались лекторные и комнаты наставников.

Адепты жили в четырёх угловых башнях вокруг замка, между которыми тянулась кирпичная стена, ограждающая территорию Кастела. Верх стены, подражая замку, шерился пиками, на которые опасались садиться даже вездесущие во-

роны.

И стоя в воротах, я не могла отделаться от мысли, что попала то ли в военную крепость, то ли в тюрьму. В тот день небо над Кастелом висело сумрачным тяжелым покрывалом, готовым обрушится на землю дождем и снегом. Подножие стен тонуло в тумане. В Старограде болтали, что все дело в загубленных инквизицией душах. Неуспокоенные призраки слетались в Кастел, дабы до самой смерти изводить своих убийц и мучителей.

Конечно, была и более рациональная версия природной аномалии. Древний храм располагался в низине, где температура и влажность воздуха идеально способствовали образованию белесого марева, а кирпичные стены вокруг сделали это место идеальным колодцем.

Раньше я верила в рациональность. Сейчас я не верила ни во что.

Сейчас я знала, что Кастел и здравомыслие – вещи несовместимые.

Я помню, как шла к замку, черными углами нависающим над людьми. С двух сторон от подъездной дорожки высились исполины-деревья, такие огромные и старые, словно были ровесниками самого здания. В конце зимы голые ветки этих деревьев торчали черными кривыми корягами, словно нарочно пугая путников, вознамерившихся преодолеть границы их владений. Вернее, путницу. Меня.

Я шла и злилась, убеждая себя, что мой визит в Кастел –

ничего не значит. Что я не стану адептом, не надену черную форму и не смирюсь. Пока получилось выполнить лишь последнее.

Да, я по-прежнему искала способ избежать судьбы, уготованной мне архиепископом. Но при всей своей изворотливости, я не могла придумать, как это осуществить. Не находя выход, я решила временно принять правила игры и не противиться. Конечно, лишь для того, чтобы усыпить чужую бдительность. По крайней мере, я отчаянно пыталась в это верить.

Сейчас, спустя месяц, я перестала вздрагивать, видя темные камни, суровые шпили и багровые отблески витражей. Древнее здание, полное извилистых коридоров и тупиков, лестниц без перил и потайных комнат, готических арок и пугающих гобеленов, выросло, как только я перешла мостик, отделяющий его от тренировочного поля. Но к основному входу я не пошла, свернув на дорожку между двумя рядами статуй, посеревших от времени. Иногда мне казалось, что легендарные воины, вытесанные в камне, презрительно ухмыляются, провожая взглядами мою шатающуюся фигуру.

Я показала статуям неприличный жест и толкнула деревянную дверь в восточную башню.

В длинном перечне того, что я ненавижу в Кастеле – самом закрытом и пугающем месте города, – лаваторий попал в первую десятку. Нет, комнаты, предназначенные для особых процедур, были вполне комфортными и даже по-сво-

ему роскошными, инквизиция заботилась о своих питомцах. Но мне не нравилась причина, по которой я была вынуждена сюда приходить.

Как будто в Кастеле мало поводов для моей ненависти!

Пока я шла по извивающемуся коридору в лаваторий, мой правый ботинок хлюпал все сильнее. В комнате для переодетых, где полагалось оставить наряд перед проходом в чаши, топталась Виона. Ее фамилию я не знала, лишь помнила, что девушка приехала из какой-то северной провинции. Короткие и мокрые волосы Вионы торчали слепившимися прядями и делали ее похожей на недовольного ежа.

– Проваливай, – приказала я, привалившись плечом к стене.

Девушка окинула быстрым взглядом мою грязную тренировочную форму и разлохматившуюся косу. Поджала губы.

– Ты не имеешь права меня выгонять, Вэйлинг! Лаваторий – для всех адептов! А я еще даже обсохнуть не успела...

– Проваливай, если не хочешь, чтобы весь Кастел узнал о том, кто таскается в твою комнату по ночам, – бросила я, и голубые глаза Вионы удивленно расширились. Пару секунд она стояла, рассматривая меня с закипающей злостью. И немного – страхом. Потом, подхватив свои вещи, девушка выскочила за дверь.

– Обожаю чужие секреты, – пробормотала я, щелкая задвижкой на створке.

Кстати, хорошо бы и правда узнать, кто посещает эту

скромницу. Мой выстрел наугад неожиданно попал в яблочко и сильно испугал девчонку. А чужие секреты лишними не бывают! Правда, узнать что-либо в Кастеле гораздо сложнее, чем в Аннонквирхе. А еще – опаснее. Я уже успела убедиться, что в этом месте царят жестокие законы. Никогда не знаешь, какой силой обладает адепт. И на что он пойдёт, чтобы поставить на место того, кто сует нос в чужие дела.

Втягивая воздух короткими рваными глотками, я тяжело опустилась на широкую лавку и стянула перчатки. Поморщилась – руки дрожали. Впрочем, ноги тоже. Малыш Лю неплохо погонял меня по полю.

«Если вы не можете выжить на тренировке, то какой от вас прок в бою? – раздался в голове ехидный голос преподобной Агамены. – Умрите в грязи, раз не способны победить! Инквизиции не нужны слабаки!»

Снова поморщившись, я стянула грязные ботинки, тугие кожаные брюки и тихо выругалась. Бедро перечеркнула длинная кровавая полоса – гвоздь все-таки достал меня. Разорванные края кожи висели лоскутами и выглядели отвратительно, кровь заливала ногу и хлюпала в обуви. Меня замутило, перед глазами поплыло. Святой Дух, как же больно! Ненавижу инквизицию и ублюдка Лю! Шипя сквозь зубы, я стянула одежду и белье, бросила все на пол. Медленно выпрямилась и снова осмотрела себя. Помимо раны на бедре – синяки, порезы, ссадины. Сбитые костяшки. И вдобавок – на левой руке сломаны три ногтя. На правой – два. И это

разозлило даже сильнее всех остальных ушибов.

– Ненавижу!

Говорить вслух, что ненавижу Кастел и всю Святую Инквизицию – не стала. В этом месте и у стен есть уши. А я не хочу провести еще неделю в ледяном остроге. С этим местом я и так познакомилась ближе, чем хотелось бы.

На правой руке багрянцем подмигнул камень. Прозрачный бриллиант, густо покрытый кровью Лю, казался рубином. Я поджала губы, опуская ладонь. Кольцо, помолвка, Да-мир. Свадьба.

Слишком много «ненавижу».

Уже привычным жестом дернула серьгу в левом ухе. На золотом колечке висела одинокая прозрачная слеза. Айк. Такой же был у малыша Лю. Такие были у всех адептов, еще не получивших аксельбант инквизитора. Только камни отличались. У новичков – прозрачные, за которые нас именовали стекляшками, у более опытных – фиолетовые или почти красные. Чем багровее оттенок, тем ближе адепт к званию полноправного служителя Святого Воинства. Моя серьга за месяцы обучения даже не порозовела.

А самое гадкое, что снять серьгу было невозможно, это мог сделать только наставник, когда сочтет нужным! У колечка просто не нашлось замка, оно было цельным.

Снова пробормотав бесполезное ругательство и пошатываясь от боли, я двинулась в сторону белой арки, за которой располагались чаши. Из пореза на бедре обильно текло и на

светлом мраморе за мной тянулась дорожка влажных кровавых следов. И это еще одна причина, по которой после тренировки я всегда выгоняю из лаватории посторонних. Я не хочу, чтобы адепты увидели меня такой. Жалкой. Дрожащей. Раненой.

Я королева! А значит, во мне нет слабостей.

Хотя Кастел делал все, чтобы доказать мне обратное.

Чаш было три. Цепляясь за перила, я забралась по ступенькам первой и медленно вошла в масляно-белую жидкость, густую, как скисшее молоко. Держась за бортик, опустилась, чтобы жидкость покрыла все мое тело – от пяток до подбородка. Вязкое тепло спеленало, облепило тугим коконом. «Молоко» лежало тяжелой неподвижной массой, давило на грудь на плечи. Находиться в нем было страшно, жидкость засасывала как губительное болото. Но я заставила себя расслабиться и закрыть глаза. Острая боль в бедре медленно утихала, сменяясь ноющей. А потом исчезла вообще. Поначалу я пыталась узнать, что за состав используется в чашах лаватория, но получила в ответ лишь косые взгляды и смешки. А когда стала настойчивее – штраф и карцер. Инквизиция свято хранит свои секреты.

Пожалуй, так же свято, как и Пантеон.

«Молоко» сомкнулось над головой, лишая меня дыхания.

Я вынырнула, отплеываясь и жадно втягивая воздух. Проклятие! Неужели отключилась? Барахтаясь в белесой трясине, выбралась из чаши. С волос и тела тяжелыми кус-

ками плюхалась на мрамор вязкая гадость. Но я улыбнулась, потому что порез на бедре затянулся, а все царапины, ушибы, синяки и ссадины – исчезли без следа. Жаль, ногти так и остались сломанными. Но это я исправлю сама, с помощью своей нейро-панели. Большинство адептов Кастела ногти стригли коротко и точно не стали бы тратить ресурсы организма на то, чтобы щеголять с красивым маникюром. Но я не большинство. К счастью!

Поэтому вытянула руку и улыбнулась шире, увидев восстановившиеся ноготки. Хоть что-то приятное перед погружением во вторую чашу. Жидкость в ней была черная, как деготь, и такая же неприятная. Однако если я не хочу, чтобы к вечеру рана снова открылась, необходимо погрузиться и в нее. Белая чаша давала первичное заживление. Черная – закрепляла эффект.

Третья чаша была наполнена обычной теплой водой и в нее я упала с облегчением, наконец позволяя себе расслабиться.

Однажды в недрах Кастела я увидела еще одну чашу, но то воспоминание я попыталась вычеркнуть из памяти как невозможное. Оно меня пугало.

Через полчаса – пахнувшая лимонным мылом и закутанная в белоснежное полотенце, – я снова вернулась в комнату для переодеваний. Но поднявшееся было настроение мигом скатилось к нулевой отметке, когда я увидела сидящего в кресле Дамира.

Инквизитор облил мое тело горячим взглядом. Задержался, рассматривая край полотенца и голые ноги. Кивнул.

– Вижу, чаши помогли. Хорошо. Я переживал.

Не отвечая, я отвернулась и принялась вытирать волосы. Дамир за моей спиной вздохнул.

– Кассандра, ты ведешь себя неразумно.

– Тебе нельзя входить сюда. – Я резко обернулась. – Это женская половина лаватория! К тому же я закрыла дверь!

Дамир снисходительно улыбнулся, а я насупилась. Ну конечно, какая дверь удержит того, кто освоил «Пыль»? Конечно, это незаконно, только кому я пожалуюсь?

– Кэсс, я беспокоился, что ранение окажется слишком серьезным, и тебе понадобится помощь. Или что ты отключишься в «молоке», – быстро проговорил Дамир. – Я ведь знаю, что ты всегда выгоняешь других учениц и остаешься одна. Я лишь хотел помочь. Как твой куратор... и будущий муж.

Я яростно дернула свою прядь, не отвечая.

– Кэсс, нам давно пора об этом поговорить, – сказал за моей спиной Норингтон. – Свадьба состоится меньше, чем через месяц. А ты делаешь вид, что ничего не происходит. И что мы друг другу... никто.

– Потому что так и есть! – не выдержав, я крутанулась на босых пятках, разворачиваясь. – Мы друг другу – никто!

– Совсем скоро ты станешь моей женой, – тихо сказал он. – Не хочешь узнать, как идут приготовления к свадьбе?

Какое платье я заказал для тебя и какие цветы выбрал для букета?

– Мне наплевать! – рявкнула я.

– Это платье от Дюрана Моро.

Мое сердце на миг дрогнуло, отозвавшись на самую известную фамилию в мире высокой моды. О его платьях славали легенды, каждое было уникальным и отражало характер той счастливицы, что его надевала. Когда-то я мечтала пойти к алтарю в платье от великого Совершенного. И Норингтон прекрасно знал об этой мечте... Но где теперь та Кассандра? Сердце дернулось и умолкло, а минутная радость утонула во тьме, поселившейся внутри меня.

– Плевать, – повторила я.

Дамир снова вздохнул.

– Ты делаешь успехи на поле, – решил он сменить тему. – Сегодня ты была очень быстрой. Поразительно быстрой. И сумела применить Маску без зеркала, удивительно. Ты очень быстро учишься, Кэсс. И я горжусь тобой.

Я упрямо поджала губы, не отвечая на похвалу.

– Справиться с таким противником может не каждый.

– Если бы меня научили применять атмэ, гребанный верзила не распахал бы гвоздем половину моей ноги! За три месяца я не узнала ничего по-настоящему полезного, только и делаю, что ношусь по чертовой полосе препятствий!

– Кэсс, прояви терпение! Никто не начинает практику, не освоив теорию! Я перешел к изучению духовного оружия

лишь на последнем году обучения, а ты хочешь все узнать в первый же день!

– Ну я-то точно не стану ждать несколько лет, – буркнула я.

– Прошу, прояви благоразумие. Наставники Кастела знают свое дело. Ты всему научишься – в свой срок. И... ты ведь помнишь, что надо соблюдать осторожность? Никому не рассказывай своих тайн, Кассандра.

Я неохотно кивнула. Конечно, я не стану кричать на каждом углу о своем разрыве духовных линий! В Кастеле за подобную тайну можно стать чужим рабом. Здесь никто не говорит правду. Не говорит о своей семье. И не знает, как и почему другие стали адептами инквизиции. Глядя на витражи храма и камни башен, я не раз задавалась вопросом, сколько внутри деструктов. Увы, ответа я не знала. Увидеть линии адептов оказалось невозможно, сколько я ни пыталась – ничего не вышло. Словно сам Кастел защищал своих сынов и дочерей от моего любопытства!

Я швырнула на скамью мокрое полотенце, которым сушила волосы.

– Ты обещал, что здесь меня научат блокировать разрыв линий и применять свои силы. Но пока я только и делаю, что бегаю в лабиринте и катаюсь в грязи! Может, это твоя месть, а, Дамир?

Он вздохнул с видом святого мученика, вынужденного терпеть несправедливые упреки.

– Ты всегда ищешь во мне подвох? Твои мышцы должны окрепнуть, Кэсс. Ты должна научиться не только убегать, но и сражаться. И для начала – с обычным оружием! Или и вовсе без него. Так учился я и все остальные инквизиторы! Сначала ты должна усвоить азы. И выучить правила.

– Правила! Ненавижу правила! И ты знаешь, что я уже вызубрила вашу чертову доктрину наизусть!

– Кэсс. Будь осторожна в словах. – В мягком голосе Дамира скользнули острые ноты, и внутри стало зябко. Словно у путника, развежившегося на солнечной поляне, но вдруг заметившего в траве желтые глаза наблюдающего за ним хищника...

– Правила нужны, чтобы сдержатъ твое... своеволие. Пойми, пока ты не научишься подчиняться и следовать приказам, ты не сможешь обучаться применению ата-атмэ и занять место в рядах инквизиции. Как только ты сдашь экзамен, тебя переведут на новый уровень. И это случится совсем скоро, потерпи. Просто будь послушной. Доверяй мне, Кассандра. И не дерзи.

Я хотела сказать, что это то, о чем я как раз и мечтаю, – оказаться непригодной для святого воинства, но промолчала, понимая, что моя злость бесполезна. Не Дамир принимает решения. За его плечом стоит совсем другая сила. И эта сила решила, что я буду носить черный мундир!

И каждый раз, когда я – избитая или раненая, погружалась в «молоко» белой чаши, я сжимала зубы и думала о том, что

сбегу. Просто сбегу на край света! Вот только... В моей комнате угловой башни на комодке стояла клетка с крысенышем. И за прошедшие месяцы его белая шкурка украсилась тремя новыми пятнышками. Будто стоило мне отвернуться – и кто-то невидимый брызгал на Опиума чернилами! Это означало, что мой разрыв увеличивается, а мое «зелье» больше не работает.

Словно поняв, о чем я думаю, Дамир поставил на мраморную полку пузырьёк. Синее стекло блеснуло в свете бра.

– Не забудь вечером выпить, – в голосе куратора звучала истинная забота.

Я сжала зубы. Как будто я могу об этом забыть! Чертов лицемер.

Дамир мягко улыбнулся, и эта улыбка вызывала во мне желание схватить мерзавца за черный рукав мундира, дотащить до чаши и утопить. Жаль, что у меня не хватит на это сил. На спарринге с Норингтоном я никогда не побеждала, к сожалению.

Утешало лишь то, что никто из адептов не побеждал на спарринге с моим куратором. Дамир Норингтон и правда был выдающимся инквизитором. Я могла бы им восхищаться, если бы этот блестящий воин Святой Инквизиции не шантажировал меня, принуждая к браку. А самое ужасное, что Дамир верил в свою правоту. Верил, что делает благое и правильное дело. Что со временем я смогу оценить его терпение и любовь, что пойму его действия. Эту веру активно

питала поддержка моих родителей, увы, они оба оказались на стороне Норингтона. А я... я лишь избалованная и взбалмошная девица, которой необходима твердая рука и опора в виде любящего мужа. А еще я – деструкт, и инквизиция – мой единственный шанс на жизнь и свободу. А та, кто стоит на самом верху иерархической лестницы святого воинства, полностью одобряет действия моего ненавистного жениха. Та, кого я даже мысленно не называю мамой. Ее святейше-ство архиепископ Аманда Вэйлинг.

Да, жаловаться мне совершенно некому.

Но это не значит, что я перестану сражаться! Всеми доступными мне способами! Только вот увы, пока в моей задаче не было ни одного козыря.

Но вдруг появится?

Ведь что может быть полезнее чужих секретов?

Встряхнув влажными волосами, я выпрямила спину и мягко переступила ногами, делая шаг к Дамиру. И еще один. Перемена во мне насторожила Норингтона, он замер, внимательно всматриваясь в мое лицо.

– Кэсс?

– Говоришь о доверии, а сам скрываешь от меня свое истинное лицо. Нечестно, Дамир. – Еще один мягкий шаг, приоткрытые губы. – Ты не говоришь мне правды.

– Разве?

Еще шаг – и мои босые ступни соприкоснулись с глянцевыми сапогами инквизитора. А сам он вздрогнул, глядя на

меня сверху вниз. Я увидела, как дернулся кадык, сдавленный жестким воротничком мундира, как расширились зрачки в зеленых глазах.

– Да. У вас слишком много секретов от той, кого вы называете своей невестой, господин инквизитор, – понижая голос до шепота, продолжила я. – Слишком много тайн. Расскажи хоть одну, если хочешь моего доверия.

– И что ты хочешь узнать? – Норингтон наклонил голову, и наши губы почти соприкоснулись.

Я поймала его рваный выдох.

– Ты деструкт, Дамир?

Он снова выдохнул. Медленно положил ладонь на мой затылок, утопая пальцами во влажных волосах. Наклонился еще ниже.

– И как далеко ты готова зайти, чтобы узнать ответ?

Я улыбнулась, надеясь, что выгляжу достаточно многообещающе.

– Я отвечу тебе, – тихо произнес инквизитор, и я подалась ближе, чтобы не упустить ни звука. – Утром, после нашей свадьбы. Когда ты станешь моей.

Я зашипела и попыталась отстраниться, но пальцы Норингтона сжались, не отпуская. Губы почти коснулись моих.

– Ох, Кэсс. Я слишком хорошо тебя знаю.

Я сжала кулаки, едва удерживаясь от того, чтобы не броситься в бой. Но увы, тогда я рискую снова очутиться в камере – за нападение на куратора.

– А я, как оказалось, совсем не знала тебя.

Ярость едва не заставила меня сделать глупость, но я сумела затолкать ее в дальний угол моей души. Дамир думает, что читает меня словно открытую книгу – пусть. И это можно использовать себе на благо.

Развернувшись так резко, что длинные волосы хлестнули Дамира по щеке, я двинулась к полкам, где лежала чистая одежда.

За спиной раздался протяжный, тяжелый вздох, а потом хлопок. И когда я обернулась, Норингтона в комнате уже не было.

Глава 2. Новая жизнь

Коридоры Кастела были столь извилистыми и непредсказуемыми, словно их создавали лишь для того, чтобы адепты терялись в них, как в лабиринте. Каждый раз блуждая по узким извилистым туннелям и переходам, я с грустью вспоминала Аннонквирхе. И удивлялась тому, что академия миротворцев когда-то казалась мне мрачной и унылой! Да по сравнению с Кастелом Аннонквирхе просто образец веселья!

Никогда не думала, что скажу это, но я скучала по своим комнатам в альма-матер, по синей гостиной с каминами и даже по сокурсникам. Марку, Адаму и Виктору, даже по толстушке Бригитте! Конечно, мы никогда не были друзьями, но зато они не пытались убить меня на каждом спарринге.

Я поморщилась, стараясь не хромать. Чаши исцеляют, но фантомная боль каждый раз эхом отзывается в теле еще несколько часов. Хотя сейчас меня больше волновала боль в животе, а вернее – дикий голод, заставляющий спешить в сторону гостиной, где накрывали обед. Вкусные запахи я ощутила еще на лестнице и прибавила шаг, стараясь не хромать, а идти ровно и царственно.

Если и было в Кастеле что-то, вызывающее мое одобрение, так это еда.

Тренировка и последующее исцеление сжигали кучу энергии и ресурсов организма, так что кормили инквизито-

ров так, словно собирались однажды зажарить вместо праздничного гуся. На длинном столе громоздились блюда с самыми разнообразными кушаньями. Взяв тарелку с огромным стейком и гору печеного с розмарином картофеля, два салата и пирожное с ванильным кремом, я устроилась за столиком. В углу напротив уже двигал челюстями малыш Лю. Кровавоточащего рубца на его лице не было, что слегка меня огорчило. Поймав мой взгляд, верзила прищурился и красноречиво провел ладонью по шее. Я пожалала плечами, возвращаясь к своему обеду. И лениво размышляя о масле на крыше. Неужели громила сам додумался до такого трюка? Вот уж никогда не поверю... Но если не сам, то кто его надоумил? Кто подсказал? На спаррингах существовало строгое правило: каждый сражается сам и не имеет права обращаться за помощью. Обманывать противника – можно, а вот пользоваться чужими подсказками – нет. Инквизиция пыталась научить своих адептов думать самостоятельно, но насколько я успела понять, с наследником Джамрат это получалось плохо. Люхараджан умел бить – сильно и смертоносно, но он не умел хитрить. И именно поэтому проигрывал мне на каждом спарринге.

Так кто же надоумил лысого монстра?

Сделав глоток ароматного чая, я блаженно зажмурилась и осмотрела гостиную поверх кружки. Время трапезы заканчивалось и занятых мест оказалось немного. Напротив Лю по обыкновению сидел молчаливый Далий Веридов, светло-

волосый и бледный, как снежный край, из которого он приехал. Далий, как всегда, кутался в огромный шарф, словно никак не мог согреться. Бледный заморыш был самым очевидным кандидатом на того, кто разлил масло. В отличии от малыша Лю, Веридов соображал отлично. Может, поэтому меня никогда не ставили с ним в спарринг.

Стол рядом занимали девушки: Ханна, Янса и Вероника. По углам расселись парни, некоторых я знала, некоторых нет. На меня никто из присутствующих не смотрел, каждый был занят своим обедом. Я обвела зал быстрым взглядом и задумалась. О том, кто разлил масло. И о том, сколько вокруг меня деструктов.

Сделав еще глоток, я снова перевела взгляд на верзилу, из-за которого буду хромать до утра. Сосредоточилась, пытаюсь увидеть его линии Духа. И снова глаза обожгло белым светом. Вздохнув, я отвела взгляд. Что ж, похоже, Кастел каким-то образом защищал личности своих питомцев. Одно радовало: если я не способна увидеть чужой разрыв, то и мой не рассмотрят другие. Может, все дело в синем пузырьке с горькими каплями, который я сейчас грела в кармане своей черной формы? И именно это снадобье создавало белую завесу на линиях Духа?

Увы, еще один секрет Кастела и инквизиции, который я пока не сумела разгадать.

Однако, после сытного и вкусного обеда мое настроение значительно улучшилось. Я жива и почти здорова, ощущаю

себя бодрой и сильной, а значит, смогу найти все ответы. И выход из ловушки, в которую меня загнали! Если рассматривать Кастел как временную неприятность, а не пожизненную обязанность, то жить становится гораздо веселее!

Я оправила край жесткого мундира. Форма – еще одна строчка в длинном списке моей ненависти. Адептам инквизиции позволялось ходить только в ней. Черные узкие брюки, заправленные в сапоги, рубашка и удлиненный мундир. Даже красный шнур-аксельбант, способный хоть как-то оживить эту неприглядную тьму, надо было заслужить. А из украшений в Кастеле допускались лишь серьги-айки и в качестве редкого исключения – помолвочные и обручальные кольца. Вопиющая несправедливость!

Конечно, я нарушила это правило в первый же день своего пребывания в Кастеле, явившись на ужин в прекрасном наряде цвета зимнего заката. Рукава опускались почти до пола, по шелку платья плелись всполохи грозы. Когда я шла по сумрачным коридорам Кастела, высоченные каблуки моих туфель выбивали на древних камнях марш моего протеста, аметистовые браслеты на руках и ногах звенели песню несогласия, а лиловые пряди плыли по воздуху подобно знамени освобождения! От меня шарахались черные тени, а когда я вошла в переполненную адептами гостиную, воцарилась такая тишина, которой не смогла бы добиться и армия восставших из небытия призраков. Что ж, мое появление, определенно, стало лучшей легендой этого жуткого места, так что я

могла собой гордиться! Величественно прошествовав к столу, я взмахнула рукой и объявила, что Кассандра Вэйлинг готова испробовать угощения Кастела.

Первой очнулась преподобная Агамена, поедающая за столом наставников унылые, как она сама, листья салата. Тогда-то я и узнала, что у этой стервы нет ни изысканного вкуса, ни жалости. Не позволив мне сделать даже глотка чая, меня отправили в карцер. Жуткое местечко с ледяными стенами, дырой в полу и завывающим под потолком ветром. После трех дней голода и холода я выучила десяток упражнений, чтобы согреться, и придумала сотню способов убийства преподобной Агамены и всех обитателей Кастела. А еще поняла, что роскошное платье и драгоценности не способны подарить ни капли тепла. Когда ты сидишь на каменной скамье карцера, а твои внутренности сводит от голодного спазма, в твоём распоряжении остаются лишь воспоминания. И лишь они могут согреть и успокоить.

Свои воспоминания я хранила как самый скупой кредитор, доставая во тьме и оберегая от чужих глаз. И даже от себя. В тех воспоминаниях были темные как ночь глаза, снег, на котором тянулась цепочка следов, и чашка с отбитым краем. Слишком мало, чтобы сложить в историю. И так много, что могло заменить целый мир.

Но доставать эту память я себе не позволяла.

Я сглотнула, ощутив внезапную горечь. Последний разговор с Августом я вспоминать не хотела. Некоторые вос-

поминания могут согреть. А некоторые сделать больно, как гвоздь, воткнутый в кожу до самой кости.

Когда меня – замерзшую, голодную, грязную и злую – выпустили из карцера, я обнаружила, что в моей комнате не осталось ни одного платья. Все мои прекрасные наряды испарились, вместо них в шкафу висели ряды совершенно одинаковых мундиров и тренировочных костюмов. Мой шкаф стал похож на могильник – черные надгробные плиты мундиров и серые скелеты тренировочной формы.

В тот момент я подумала, что угроза оказаться в Песках не так уж и страшна.

Я сгребла их в кучу, намереваясь швырнуть с высоты своего окна, но остановилась. Холод карцера все еще царапал мои кости. Даже еда и лаваторий не сумели изгнать его.

Выкидывать одежду инквизиторов я не стала. Но отказывалась считать это поражением. Королевы не сдаются, они стратегически отступают. Если противник сильнее, то нет смысла бунтовать. Надо сделать вид, что принимаешь вражеские условия. А потом...

Потом...

Увы, «потом» у меня существовало лишь в виде мечтаний, от которых было мало проку.

Вместе с одеждой у меня забрали и телефон, оказалось, что адептам-новичкам его выдают лишь раз в две недели. Правда, об этом я почти не сожалела. Спустя означенный срок я увидела на своем экране несколько сообщений от

Марка и Адама – сокурсники удивлялись, куда я исчезла, и правда ли, что Кассандру Вэйлинг перевели в академию Неварбурга, да пожелание от отца. Родитель призывал меня сохранять благоразумие и слушаться наставников Кастела. Ну и сообщения Дамира, конечно.

Так и не отправив ни одного ответного письма, я отдала телефон обратно.

За три месяца я не смирилась с порядками этого военного учреждения, но сделала вид, что следую им.

Сейчас, допив одним глотком чай, я окинула быстрым взглядом адептов, и не увидев ничего интересного, покинула гостиную. Все же сытость способствовала хорошему настроению, так что в свою комнату я поднималась почти довольная. Увы, мои роскошные апартаменты остались в Ан-нонквирхе, Кастел выделил мне лишь одну комнату. Да, достаточно просторную, чтобы в ней поместилось все, необходимое адепту, но слишком маленькую для Кассандры Вэйлинг! Мои просьбы и требования о смене жилья натывались лишь на усмешки и угрозу переселить меня в карцер.

Повернув ключ в замке, я толкнула дверь и дернула цепочку настенного бра. Тусклый свет плеснул жёлтой краской на узкую кровать, шкаф и стол, обозначил углы и контуры. За окном без занавеси плескался вечерний свет, но словно бы не желал проникать в Кастел, отчего в этом месте всегда царил полумрак. Я расстегнула пуговицы надоевшего мундира, скинула его на стул, сбросила ботинки. С наслаждени-

ем распустила волосы – убранные в косу или пучок пряди – еще один строгий закон академии инквизиторов.

При виде меня Опиум заверещал, и я закатила глаза.

– Иду я, иду! Я помню, что тебя тоже надо кормить. Хотя бы иногда...

Крысеныш сидел на столе, в окружении талмудов и учебников. Оказалось, что мне достался невероятно свободолюбивый питомец. Находиться в клетке крыс отказывался наотрез, а когда я пыталась его там запереть, грыз прутья, верещал и шуршал опилками, не давая мне спать или учиться. Он проделывал это до тех пор, пока я не открывала дверцу клетки и не выпускала Опиума на волю.

Выбравшись из заточения, крысеныш шел обследовать комнату, а может, выбирался и за ее пределы, потому что несколько раз я не находила его в своих покоях. Когда это случилось впервые, я лишь обрадовалась, решив, что гадкий питомец исчез. Но утром Опиум обнаружился в моем шерстяном носке, забытом в углу. Свернувшись внутри, малыш сладко спал. На его шкурке блестели крупинки сахара и хлебные крошки, которые он неизвестно где раздобыл.

С тех пор мой носок стал его любимым убежищем, а клетку я запирать перестала, поняв, что это бесполезно. Ночами Опиум отправлялся гулять по Кастелу, но каждое утро возвращался в носок отсыпаться. И я махнула рукой на похождения свободолюбивого крыса. Меня это даже устраивало, потому что порой я забывала, что звереныша надо кор-

мить. Опиум тоже понял, что ему досталась нерадивая хозяйка, и решил самостоятельно озадачиться своим пропитанием и времяпровождением.

Можно сказать, что мы достигли согласия.

Приоткрыв окно, я глянула вниз. Кирпичные стены тянулись между башнями и подступали к замку. Моя комната располагалась в северной башне, из окна я видела южную и западную, восточную скрывал шпиль замка, под которым блеснул циферблат часов.

Очертания самого замка тонули в подступающих сумерках, холодный ветер трепал полотна на флагштоках. Три короны – символы трех столиц империи – и рядом развевающееся знамя инквизиции. Я с досадой поморщилась, отворачиваясь. И снова посмотрела в сторону южной башни. Весеннее тепло многих адептов заставило приоткрыть окна, впуская в духоту комнат свежий воздух.

Опиум за спиной снова заверещал, требуя угощение.

– Да иду я!

Зверёк встал на задние лапки и застыл, не сводя с меня напряжённых блестящих глаз. Длинный хвост изогнулся в просительным знаком.

Я насыпала в миску овса и проса, сунула лист салата. Усы Опиума задергались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.